

БРЮСОВ ПРОТИВ ЛЕНИНА

Борис Ихлов

В 1905 году Ленин написал статью «Партийная организация и партийная литература». В которой якобы обосновал засилье цензуры после революции. Реально же в начале 20-х годов в газетах, в том числе в «Известных» шла крайне оживленная полемика, тотальная цензура установилась лишь в период правления Сталина. Президентские выборы 2020 года в США показала, насколько жесткая цензура действует в этот оплот демократии.

Статье Ленина возражает поэт Брюсов (15 ноября 1905, «Свобода слова», "Весы", № 11, 1905 г., подпись «Аврелий»).

«Свободная ("внеклассовая") литература для него, - пишет Брюсов, - отдаленный идеал, который может быть осуществлен только в социалистическом обществе будущего. Пока же "лицемерно свободной, а на деле связанной с буржуазией литературе" г. Ленин противопоставляет "открыто связанную с пролетариатом литературу". Он называет эту последнюю "действительно свободной", но совершенно произвольно. По точному смыслу его определений обе литературы не свободны. Первая тайно связана с буржуазией, вторая открыто с пролетариатом. Преимущество второй можно видеть в более откровенном признании своего рабства, а не в большей свободе. Современная литература, в представлении г. Ленина, на службе у "денежного мешка"; партийная литература будет "колесиком и винтиком" общепролетарского дела. Но если мы и согласимся, что общепролетарское дело - дело справедливое, а денежный мешок - нечто постыдное, разве это изменит степень зависимости? Раб мудрого Платона все-таки был рабом, а не свободным человеком».

То есть, литераторы в Древней Греции были рабами? Ниже Брюсов, конечно, уточнит, что свободная литература по Ленину – это буржуазный миф. Мы же пока заметим, что внеклассовая литература может быть не при социализме, а только при коммунизме, когда классы отсутствуют.

Брюсов экзальтирует ограничение свободы, именуя его рабством. Велико ограничение, если в 20-е годы творили Филонов, Малевич, Фальк, Лентулов, Петров-Водкин, Скрябин, Шостакович, Мясковский, Есенин, Маяковский, Багрицкий и другие.

Но разве во время ВОВ не требовались стране поэты, пишущие о войне? Война – вполне зримое ограничение свободы. Причем Твардовский, Гудзенко, Симонов, Муса Джалиль и многие другие поэты Великой Отечественной вовсе не считали себя рабами. Не считали себя рабами и Рыбников с Родионом Щедриным, когда создавали изумительный «Марш высотников». Разве такие шедевры, как «Конармия», «Хождение по мукам», «Белая гвардия», «Жизнь Клима Самгина», «Алые паруса», «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Время, вперед», «Повесть о настоящем человеке» и многие другие – написаны рабами? И разве виновата власть, что она выделяет именно таких и отсекает тех, кто пропагандирует фашизм, монархию или западные «ценности»?

Брюсов, ко всему, передергивает, Ленин не называл пролетарскую литературу «действительно свободной». Ленин прекрасно понимает, что не бывает литературы бесклассовой. Однако именно на этом передергивании поэт и строит свою аргументацию.

Демократия как власть демоса, власть рабочих над интеллигенцией и крестьянами – это более широкая демократия, нежели власть слоя предпринимателей. Но Брюсов не желает видеть разницу и между тем, кому служить – денежным мешкам или трудящимся.

Брюсов продолжает:

«Однако, возразят мне, та свобода слова (пусть еще неполная, пусть вновь урезанная), которой мы сейчас пользуемся в России, или по крайней мере пользовались некоторое время, была достигнута ничем другим, как энергией "российской социал-демократической рабочей партии". Не стану спорить, воздам все должное этой энергии. Скажу больше: в истории можно подыскать только один пример, напоминающий наши октябрьские события 1: это отход плебеев на Священную гору 2. Вот истинно первая "всеобщая забастовка", на тысячелетия предварившая сходные попытки Бельгии, Голландии и Швеции 3. Но признав всю благодетельность пережитого нами события, неужели я должен по этому самому отказаться от критического отношения к нему? Это было бы все равно, как требовать, чтобы

никто из благодарности к Гуттенбергу, изобретшему книгопечатание, не смел находить недостатков в его изобретении. Мы не можем не видеть, что социал-демократы добивались свободы исключительно для себя, что париям, стоящим вне партии, крохи свобод достались случайно, на время, пока грозное "долой" не имеет еще значения эдикта. Слова социал-демократов о всеобщей свободе тоже "лицемерие", и мы, писатели беспартийные, тоже должны "сорвать фальшивые вывески".»

Брюсов выдумывает себе возражения и сам же их опровергает. Ни одному социал-демократу и в голову бы не пришло утверждать, что к 1905 году РСДРП завоевала свободу для Брюсова. Брюсов вообразил, что социал-демократы способны на такую нелепость, как провозглашать «всеобщую свободу», и яростно срывает фальшивую вывеску со своей же выдумки. Социал-демократы провозглашают не свободу, а диктатуру.

Социал-демократы просто напоминают, что при их власти за такие творения, как «Гаврилиада», расследования назначать не будут.

«Нет сомнения, - пишет далее Брюсов, - что угроза г. Ленина "прогнать" имеет иной, более обширный смысл. Речь идет о гораздо большем: утверждаются основоположения социал-демократической доктрины, как заповеди, против которых не позволены (членам партии) никакие возражения. ... "Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставит нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы". Иначе говоря, членам социал-демократической партии дозволяется лишь критика частных случаев, отдельных сторон доктрины, но они не могут критически относиться к самым устоям доктрины. Тех, кто отваживается на это, надо "прогнать". В этом решении - фанатизм людей, не допускающих мысли, что их убеждения могут быть ложны. Отсюда, один шаг до заявления халифа Омара: "Книги, содержащие то же что Коран, лишние, содержащие иное, - вредны"».

Приятно, что Брюсов таким вот любопытным образом выступает против религии, но он не понимает сути дела.

Во-первых либеральные партии, обслуживая высшие классы, провозглашают объединение вокруг некой идеи (программы), они допускают в партию только тех, кто придерживается их позиций. Тот, кто против идеи или программы, волен идти в другую партию.

Во-вторых, в любой науке не так уж часты случаи, когда критике подвергаются «самые устои доктрины». Но даже критика не уничтожает эти устои, они включаются в более общую схему, как механика Гука-Ньютона является предельным случаем теории относительности.

В-третьих, что самое главное: большевики объединяются не вокруг доктрины. Они объединяются по социальному адресу, они являются партией рабочего класса, отстаивают его общие и фундаментальные интересы. В партии объединяются те, которые формулируют для себя конкретную задачу, этой задаче соответствует теоретическая платформа. Зачем им принимать к себе тех, задача которых иная?

Теоретическая доктрина является лишь подспорьем в деле, диалектический материализм ставит практику выше теории. И если теория перестает соответствовать практике, ее исправляют. Как говорил французский коммунист и литератор Андрэ Моруа: «Если бы Маркс был жив, первое, с чего бы он начал – с критики самого себя».

Полемика внутри партии уже прошла, приведя к делению на большевиков и меньшевиков, Брюсов не был ее свидетелем.

Брюсов не понимает и другого. Зато понимает Ленин: недопустимость фракций на тот момент – признак слабости, Россия – отсталая аграрная страна, рабочий класс слаб, соответственно, слаба и партия.

«Почему однако, - спрашивает Брюсов, - осуществленная таким способом партийная литература именуется истинно-свободной? Многим ли отличается новый цензорный устав, вводимый в социал-демократической партии, от старого, царившего у нас до последнего времени. При господстве старой цензуры дозволялась критика отдельных сторон господствующего строя, но воспрещалась критика его основоположений. В подобном же положении остается свобода слова и внутри социал-демократической партии. Разумеется, пока несогласным с такой тиранией предоставляется возможность перейти в другие партии. Но и при прежнем строе у писателей протестантов оставалась аналогичная возможность: уехать, подобно Герцену, за рубеж. Однако, как у каждого солдата в ранце есть маршальский жезл, так каждая политическая партия мечтает стать единственной в стране, отождествить себя с народом. Более,

чем другая, надеется на это партия социал-демократическая. Таким образом, угроза изгнанием из партии является в сущности угрозой извержением из народа. При господстве старого строя писатели, восставшие на его основы, ссылались, смотря по степени "радикализма" в их писаниях, в места отдаленные и не столь отдаленные. Новый строй грозит писателям-"радикалам" гораздо большим: изгнанием за пределы общества, ссылкой на Сахалин одиночества».

Теперь Брюсов выдумывает новый ужас – быть изгнанным из народа, причем этот ужас – из-за декларации всенародности партии. Изгнание из партии поэт тоже отождествляет с изгнанием из народа. Но Брюсов выдумал и всенародность, ибо большевики – партия только рабочего класса. Ленин это неоднократно разъяснял.

Больше того, нет никакого отождествления даже с рабочим классом. И Ленин это продемонстрировал: когда большинство ЦК партии противилось заключению Брестского мира, Ленин объявил, что обратится к народу напрямую. Но! Для этого он собирался сначала выйти из партии. Ленин шел против собственной партии, когда большинство ее руководства ратовало за войну до победного конца, против всего II Интернационала, в котором немецкие социал-демократы голосовали за военные бюджеты, неоднократно указывал, что «большевики плелись в хвосте масс», а партийных чиновников называл «коммунистической сволочью». Какое же тут отождествление.

Еще раз: Ленин вовсе не именовал партийную литературу истинно свободной, уж он-то читал Канта: свободно одного человека осуществляется за счет ограничения свободы другого.

Ниже Брюсов будет возражать самому себе. Действительно, на «Сахалин одиночества» были сосланы и Ван Гог, и его друг Поль Гоген, и даже Пушкин. Причем сослали их не власти, не партии, а само общество. Пушкина не читали, поскольку рынок был заполнен патриотическими писаниями Фаддея Булгарина, глотка воздуха у Пушкина не было.

«Екатерина II определяла свободу так: "Свобода есть возможность делать все, что законы позволяют". Социал-демократы дают сходное определение: "Свобода слова есть возможность говорить все, согласное с принципами социал-демократии". Такая свобода не может удовлетворить нас, тех, кого г. Ленин презрительно обзывает "гг. буржуазные индивидуалисты" и "сверхчеловеки". Для нас такая свобода кажется лишь сменой одних цепей на новые. Пусть прежде писатели были закованы в кандалы, а теперь им предлагают связать руки мягкими пеньковыми веревками, но свободен лишь тот, на ком нет даже оков из роз и лилий. "Долой писателей беспартийных" - восклицает г. Ленин.

Следовательно, беспартийность, т. е. свободомыслие есть уже преступление. Ты должен принадлежать к партии (к нашей или, по крайней мере, к официальной оппозиции) иначе "долой тебя!" Но в нашем представлении свобода слова неразрывно связана со свободой суждения и с уважением к чужому убеждению. Для нас дороже всего свобода исканий, хотя бы она и привела нас к крушению всех наших верований и идеалов. Где нет уважения к мнению другого, где ему только надменно предоставляют право "врать", не желая слушать, там свобода – фикция».

Удивительную узость мысли обнаруживает Брюсов.

Брюсов приравнивает беспартийность к свободомыслию. Это неверно. Беспартийность – это не свобода, это отштампованность, формулируемая как надклассовость. Потому Ленин и говорит о «сверхчеловеках». Брюсов опять же взывает к абсолютной свободе, которой в природе не бывает. И это воззвание – тоже штамп.

Свободомыслие творчества – лишь высокомерная иллюзия, творческая публика в каждой конфликтной ситуации оказывается ангажированной. Так было в 1991-м, так было в 2014-м, так было всегда.

***

Российская интеллигенция большей частью перестроилась. У многих случились приступы амнезии, они позабыли, что творили и говорили вчера, например, Никита Михалков, Марк Захаров, Юрий Яковлев, Евгений Жариков, Мягков, ярый защитник социализма Гавриил Попов и т.д., и т.п.

Городничкий написал проникновенные строки:

Над Канадой небо сине,
Меж берез дожди косые,
Хоть похоже на Россию,

Только всё же не Россия».

Началась перестройка – и Городницкий уехал в Израиль.

Однако многие лишь утвердились в своих пристрастиях. Многих еще до перестройки отштамповала столичная среда.

1995 год, Иерусалим, в интервью с Марком Эпельзафтом, Аркадием Мазиным и Сергеем Гранкиным:

«- ... Это было столкновение двух тоталитарных режимов, выяснение отношений. Да, мы победили, но оказались побежденными в итоге. Советы хотели воевать, но не могли до поры до времени, хотя о мировом господстве и мировой революции мечтали. Советский Союз был фашистским, тоталитарным государством, которое мечтало о мировом господстве, подавляло личность. Так же, как и Германия. Отличия чисто внешние - у тех свастика, у этих - серп и молот. Там был мерзавец Гитлер, у нас – «гений» Сталин. А суть была одинакова. Две тоталитарные системы схватились выяснять отношения...

- Вам не кажется, что Советский Союз во многом способствовал появлению и расцвету Третьего Рейха?

- Может быть. Научились подавлять на нашем опыте. Строительству концлагерей научились у нас. Западных социал-демократов, в том числе и немецких, Сталин поливал грязью, по возможности сажал. Гитлера называл другом. Поделил с ним Восточную Европу.

... История России - история особенная. Это государство, которое долго было рабовладельческим, буквально до наших дней. Поэтому холопская психология остаётся. Понятие «демократия» рабам абсолютно чуждо. Чем можно соблазнить тёмную массу? Ее словом «фашизм» не соблазнишь, потому что фашизм отвратителен "исторически". Ее можно соблазнить сильным государством. Россия любит мощь. Имперскую. Это и подразумевает фашизм, тоталитарный режим, хотя можно называть это иначе. Вот этим можно соблазнить, тем более в трудной ситуации. Поэтому, конечно, противостоять все-таки надо. Насколько это возможно, телевидение, отдельные представители интеллигенции, я лично, пытаются что-то сделать. Ну, что я могу сделать? Пишу об этом, говорю об этом...

- Можете ли вы сквозь призму атеизма объяснить, почему в России на протяжении почти всей истории государства неприменны насилие, кровь, бунт, рабская психология? Откуда это? Вы искали ответ на этот вопрос?

- Да, конечно. Рабская психология, потому как рабовладельческое государство. Много веков. Гены уже нафаршированы этим. Менталитет таков. Раб не мечтает о свободе, он говорит: "Да на хрена мне ваша свобода". А что такое свобода - не знает. Он считает, что свобода - частная воля, делай, что хочешь, а я говорю: свобода - это делай что хочешь, но при этом не мешай окружающим.

- Но почему все-таки именно в России? Где истоки?

- Европа освободилась от рабства очень давно, а Россия - нет. Не успела освободиться от этого в начале двадцатого века - наступил семнадцатый год, и началось рабство еще более страшное. Это долгая длительная болезнь, поэтому сорока лет не хватит, чтобы от этого избавиться».

Напечатано в газете «Эпоха» 18.5.1995 и в альманахе «Голос надежды» в 2010 году.

Кто давал интервью? Судя по бессмысленным, нелепым, безграмотным пропагандистским штампам – это, без сомнения, «писатель» Быков. Или Шендерович.

Действительно: если СССР со времен Сталина забыл о мировой революции, вспоминал ее лишь в декларациях, если ядерное оружие создавал лишь в ответ на его создание в США – о какой мечте о мировом господстве речь?

Действительно, концлагеря стали на поток в Германии в 1933-м, буквально через 3 года после СССР. Неужто «научили» за три года, если в Германии и не ведали о системе ГУЛаг? Соловецкий же лагерь основали белые, причем учредили там такие условия содержания, что после них советский Соловецкий лагерь показался бы раем. Изобретатели же концлагерей – англичане, на порубежье веков они создали резервации для буров, а за столетие до этого британские переселенцы в Америку создали концлагеря для индейцев.

В трактате «Государство 1833 года» президент Джексон писал: «Не отдавая себе отчет в том, что существует превосходящая их раса, и не осознавая причин своей неполноценности... они должны обязательно уступить силе обстоятельств и надолго исчезнуть».

Устроение концлагерей Джексон называл «доброжелательной политикой» правительства США, поскольку индейцы «не имеют ни интеллекта, ни промышленности, ни моральных привычек, ни желания улучшения своего существования».

Рабство, говорите? Собаку Лайку отправили в космос, заранее зная, что она погибнет. После этого в ООН пришло письмо от группы женщин из штата Миссисипи. Они потребовали осудить бесчеловечное отношение к собакам в СССР и выдвинули предложение: «Если для развития науки необходимо посылать в космос живых существ, в нашем городе для этого есть сколько угодно негритят».

Действительно: о каком освобождении Европы от рабства можно говорить? Разумеется, крестьянское восстание Уота Тайлера произошло еще в 1381 году, до крестьянской революции в России в 1905 году – еще полтысячелетия. Но ведь были восстания на самой заре возникновения Руси, затем были Булавин, Василий Ус, Болотников, Разин, Пугачев.

Да, буржуазные революции произошли в Европе за столетия до февральской буржуазной революции в России. Но разве положение рабочих в Англии в середине XIX столетия отличалось от положения рабов существенно? Да, чартистское движение возникло именно тогда, но Россия отстала лишь на полвека.

Может быть, в вузе не изучали работу Ленина «О национальной гордости великороссов», где он цитирует Чернышевского: «Все рабы, сверху донизу»? И Ленин тут же указывает, что это рабство уже преодолено, потому что «великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».

Разве неизвестно, что демократия – это не свобода для бизнесменов и не власть народа, это власть низов, это власть рабочих над интеллигенцией и крестьянами. И, поскольку рабочие являются более широким социальным слоем, нежели буржуазия и помещики, поскольку рабочие сами заняты тяжелым трудом, это более широкая демократия.

Разве вся Россия к 1995 году не поняла уже, что демократия в понимании либеральных демократов – это жесточайшая диктатура буржуазии, диктатура денежного мешка? Поняла, только из верной посылки сделала нелепый и бесполезный вывод – проголосовала за ангажированную властью КПРФ, за псевдокоммунистов.

Разве неизвестно, что правящие классы стремятся извратить все понятия: демократии, революции, прав женщин, прав чернокожих, и не только на словах, но и на деле?

Какое же рабство после 1917 года, если бонапартизм в СССР устоялся лишь к середине 30-х? Какое рабовладение в СССР в 60-х, 70-х или 80-х? В 1972 году автор этих строк на областной конференции ВЛКСМ с трибуны заявил, что пермский комсомол работает «для галочки». И мне ничего не было, только из школьного комитета комсомола попросили. В 1981-м прилюдно назвал секретаря парткома ПГУ Реутова высокопоставленной шушерой – и мне тоже ничего не было. Один знакомый юристконсульт воевал с различными начальниками, имел оружие, приходилось отстреливаться. Патроны хранил у меня в столе в лаборатории. Их обнаружили, но мне опять ничего не было! В 1977 году на университетском семинаре по политэкономии один мой не слишком грамотный сокурсник подготовил целый доклад, доказывал, что экономическая система СССР неэффективна, его даже не отчислили из вуза.

В своем ли уме интервьюируемый?

О каком насилии в России речь, если рядовые парижане за одну ночь вырезали 30 тыс. гугенотов. Неужели неизвестно, что освобождение от монархии во Франции привело к морям крови, один Робеспьер чего стоит.

О какой крови в России может идти речь, если израильтяне для расширения территории еще до голосования в ООН о статусе страны вырезали всё население Дейр Ясина, детей, женщин, стариков.

О каком освобождении речь, если Европа аплодировала Гитлеру, он был избран человеком года, Форд, Рокфеллер и другие буржуа финансировали Гитлера и снабжали Германию стратегическими товарами, даже во время войны, рабочие стран Европы усердно работали на Гитлера, страны Европы посылали

своих солдат воевать за Гитлера. Не СССР, а Великобритания и Франция способствовали расцвету Третьего рейха, учинив Мюнхенский сговор, без захвата Чехословакии 2-я мировая была бы невозможна для Германии экономически.

Отто Рюле, Тони Клифф, Рая Дунаевская и др., изучая работы Маркса, пришли к верному выводу, что СССР – капиталистическое государство, за что были изгнаны из троцкистского 4-го Интернационала. Но из верной посылки они в 1941-м пришли к нелепому выводу, что в войне обе стороны тождественны, они поддержали и Власова, и Бандеру, больше того, они поддержали Германию. Чем с удовольствием воспользовалась мировая буржуазия. Одной из основных идеологем ее пропаганды стало тождество гитлеровской германии и сталинского СССР, в том числе в войне, причем, разумеется, слово «капиталистический», было подменено словом «тоталитарный». Хотя Ленин прямо указывал, что война между капиталистическими государствами может быть справедливой, если это освободительная война.

Так и можно было бы думать, что интервью давал некий усредненный малограмотный либерал. Если бы не начало интервью:

«... ничего дурного в адрес ветеранов не хочу сказать. Сам ветеран. Честно воевал. Был ранен. Пролил кровь. Поэтому к ветеранам у меня самое возвышенное отношение».

Интервью давал тот самый бард, который в 1989 году на вопрос, что он делал при тоталитаризме, честно ответил: «Мне было пять лет, я был охвачен Сталиным».

Из семьи большевиков, отец, 1-й секретарь Нижнетагильского горкома ВПКб, в 1937-м был арестован и расстрелян, мать в 1938-м сослана в концлагерь, вернулась в 1947-м. В 1956-м будущий бард вступил в партию, с 1962-го – член Союза писателей СССР.

Бард, который совсем по-другому писал о войне: «Над нашей родиной дым...»

Тот самый бард, который пел:

«... Но привычно пальцы тонкие

Прикоснулись к кобуре...

Но комсомольская богиня...»

Окуджава романтизировал эпоху, которую в интервью назвал рабской. Что ж Окуджава не сообщил, что он думал о Сталине, когда арестовывали его родителей.

Вышел из КПСС только в 1990-м, когда стало дозволено. Стал членом Совета общества «Мемориал».

Оказывается, он всегда был оппозиционером и плохо относился к Ленину.

В октябре 1993 года подписался под «письмом 42-х» с требованием запрета «коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений», признания нелегитимным Съезда народных депутатов и Верховного Совета, суда над сторонниками разогнанного ВС.

Когда Кнут Гамсун из-за сына стал коллаборационистом, люди подходили к ограде его дома и бросали за ограду его книги.

«Совесь, благородство и достоинство, / вот оно, святое наше воинство» - пишет Окуджава.

Окуджава прямо следует Брюсову:

Каждый слышит, как он дышит,

Каждый пишет, как он слышит,

Не стараясь угодить.

***

Что до свободы исканий. Литература – не физика. Плоды работы физиков потребляет производство. Рядом с литературой всегда стоят ее читающие массы.

Пермский посредственный поэт Дмитрий Данской считает, что он не обязан думать о народе, он творит как хочет, свободно, а народ должен быть благодарным ему, Данскому, за его творения.

Брюсов продолжает: «"Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии?" - спрашивает г. Ленин. Я думаю, что на

этот вопрос не один кто-нибудь, а многие твердо и смело ответят: "да, мы свободны!" Разве Артур Рембо не писал своих стихов, когда у него не было никакого издателя, ни буржуазного, ни не буржуазного, и никакой публики, которая могла бы потребовать от него "порнографии" или чего другого. Или разве не писал Поль Гоген своих картин, которые упорно отвергались разными жюри и не находили себе, до самой смерти художника, никаких покупателей? И разве целый ряд других работников "нового искусства" не отстаивал своих идеалов вопреки полному пренебрежению со стороны всех классов общества? Заметим кстати, что работники эти были вовсе не из числа "обеспеченных буржуа", а нередко должны были, как тот же Рембо, как тот же Гоген, терпеть и голод, и бесприютность. По-видимому, г. Ленин судит по тем образчикам писателей-ремесленников, которых он, быть может, встречал в редакциях либеральных журналов. Ему должно узнать, что рядом встала целая школа, выросло новое, иное поколение писателей-художников, тех самых, кого он, не зная их, называет насмешливым именем - "сверхчеловеки".»

Брюсов передергивает. Ни Рембо, ни Гоген не отстаивали своих «идеалов», но дело в другом: именно потому, что они не были зависимы от издателя, их творчество оставалось недоступно рядовым гражданам. В 1972 году, когда Рембо уже бросил писать, было опубликовано всего три его стихотворения. Согласился бы Брюсов для себя с таким темпом?

Разумеется, Ленин никак не ориентировался на писателей-ремесленников, которых и не знал за неимением времени, зато хорошо знал великую русскую литературу.

Кого же имел в виду Брюсов, говоря о «целой школе»? Конечно же, символистов Зинаиду Гиппиус, Мережковского, Ходасевича, Вячеслава Иванова, эгофутуриста Игоря Северянина (Лотарева), Зинаиду Гиппиус, Волошина, Бунина, не принявших революцию.

Но, к примеру, Иванов – не вставал в позу, служил в театральном отделе Наркомпроса (председатель историко-театральной секции), преподавал в стихотворном отделе Пролеткульта, преподавал филологию в бакинском университете. Правда, в 1924-м все же эмигрировал.

Со всей этой «школой» простились и Блок, и Есенин, и Маяковский, Андрей Белый (Бугаев) даже работал в РАПП. Почему бы не судить по Блоку, Маяковскому, Белому, Есенину? Почему нужно считаться с только теми, кто против революции?

Брюсов обеспокоен свободой. Но почему не поговорить о совести. Скажем, придворный художник Карл Брюллов (Брылло) не только знатных дам рисовал, он еще помогал карбонариям. Эрнст Хемингуэй воевал с франкистами в Испании, поэт-большевик Нарбут, Бабель, писатель-большевик Артем Веселый воевали в Гражданскую.

Но Брюсов полагает, что человек может быть один, даже не как волк в стае, а вообще один. Он не понимает, что человеческое сознание возникает как новое системное качество, то есть, исключительно в обществе, потому поэт, стоящий над обществом, независимый от общества – миф, личность, констатирует Маркс, есть конкретная совокупность общественных отношений. И поэт Брюсов, живущий в буржуазном обществе, пропитан от ступней до макушки буржуазными отношениями, и всё его мировоззрение этими отношениями пропитано. Стоило Блоку написать «Двенадцать», как салон Гиппиус, представители «школы», демонстративно отказались подавать ему руку, посчитав его солидарным с чуждым им классом.

«Я понимаю, - продолжает Брюсов, - конечно, что у г. Ленина есть философские предпосылки его утверждений. Слова, что литературное дело должно стать "колесиком и винтиком одного единого великого социал-демократического механизма" не только метафора, но и выражение того взгляда, что вообще искусство и литература - только "производная" социальной жизни. Я намеренно оставляю в стороне этот вопрос. Для себя я его решаю иначе, чем г. Ленин».

Еще бы. Люди искусства, политтехнологи, цари – вот творцы социальной жизни, народы должны следовать их идеям. Позиция либерала Брюсова ничем не отличается от мысли чиновника сталинского аппарата – не классы суть субъекты истории, темные, инертные массы лишь ведомы людьми высшего сорта. Рабочий класс не может вырваться за рамки экономической борьбы. Политическое сознание в массы привносит партия, как церковь – нравственность.

«Но для выяснения пределов свободы слова, - пишет Брюсов, - можно его не касаться. Ведь и писатель социал-демократ будет считать себя (пусть ошибочно), работая для своей партии, действующим по своей свободной воле, как считаю себя я, писатель беспартийный. Все равно, как самый убежденный последователь Коперника не может не видеть, что солнце "восходит" и "заходит".»

Отчего же Брюсов отказывает в свободе воли социал-демократическим писателям? Неужто социал-демократы – это какие-то машины, в программном обеспечении которых сидит их проклятая партийная программа? Может, социал-демократические писатели не могут творить, они лишь подчиняются приказам партийных вождей? К кому обращены слова Брюсова, к Бернарду Шоу, к Фолкнеру, к Горькому, к Алексею Толстому, к Неруде, к Гарсия Лорке? Это ремесленники?

Действительно, в 30-е возникла целая армия таких автоматов, бездарных и покорных. Но марксизм-ленинизм здесь причем?

И отчего Брюсов так убежден, что писатели социал-демократы ошибаются? Может, он считает себя истиной в последней инстанции, непогрешимым? Валерий Брюсов... А ведь поэт-то – средненький.

Многие представители «школы», о которой говорит Брюсов, были изданы до 1991 года. Кто вспомнит хоть строку из стихов Гиппиус? Волошин, Бунин, Мережковский писали правильные, красивые, но холодные, пустые стихи, что можно слушать из Бунина, кроме «Я простая девка на баштане»? Кто помнит из творчества Северянина что-либо кроме «ананасов в шампанском»?

От нескончаемой вражды
Политиканствующих партий
Я изнемог...

Январский воздух на Кавказе
Повеял северным апрелем.
Моя любимая, разделим
Свою любовь, как розы — в вазе.

В моей душе восходит солнце,
Гоня невзгодную зиму.
В экстазе идолопоклонца
Молюсь таланту своему.

Скучно.

Северянин оказался не в силах оценить гений Пастернака, его стихи за поэзию не считал.

А Брюсов - Брюсов пространен.

«Для этих писателей - поверьте, г. Ленин, - склад буржуазного общества более ненавистен, чем вам. В своих стихах они заклеили этот строй "позорно мелочный, неправый, некрасивый", этих "современных человечков", этих "гномов". Всю свою задачу они поставили в том, чтобы и в буржуазном обществе добиться "абсолютной" свободы творчества. И пока вы и ваши идете походом против существующего "неправого" и "некрасивого" строя, мы готовы быть с вами, мы ваши союзники. Но как только вы заносите руку на самую свободу убеждений, так тотчас мы покидаем ваши знамена. "Коран социал-демократии" столь же чужд нам, как и "коран самодержавия" (выражение Ф. Тютчева). И поскольку вы требуете веры в готовые формулы, поскольку вы считаете, что истины уже нечего искать, ибо она у вас, вы враги прогресса, вы наши враги».

Брюсов отождествляет себя с прогрессом. Свежо. Только кроме Бальмонта – что-то никто из «целой школы» в протестах замечен не был. Ни на баррикадах, ни в стачках, ни даже в статьях. Бальмонт – выступал против царя. Как же это «целая школа» боролась с буржуазией, как она добивалась «абсолютной» свободы творчества? Брюсов лжет.

Но с чего Брюсов взял, что большевики требуют веры в готовые формулы, Ленин был первым противником готовых формул, почитайте его статьи по национальному вопросу. С чего это Брюсов

приписывает диалектику Ленину такое воззрение, что истины нечего искать - больше глупости нельзя придумать!

Истину большевики искали практически. Ленин, поняв ошибку Маркса, который хотел уничтожить стоимость путем ликвидации рынка, ввел НЭП. Так что по всем фронтам проврался Брюсов.

«"Абсолютная свобода (писателя, художника, артиста) есть буржуазная или анархическая фраза", говорит г. Ленин - и тотчас добавляет: "ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность". Ему представляется, что вещь, вывернутая наизнанку, нисколько не меняется. Попробуйте однако, вывернув правую перчатку, опять надеть ее на правую руку... Но совершенно понятно, почему г. Ленину хочется опозорить анархизм, смешав его в одно с буржуазностью. У социал-демократической доктрины нет более опасного врага, как те, кто восстают против столь любезной ей идеи "архэ". Вот почему мы, искатели абсолютной свободы, считаемся у социал-демократов такими же врагами, как буржуазия. И, конечно, если бы осуществилась жизнь социального, "внеклассового", будто бы "истинно-свободного" общества, мы оказались бы в ней такими же отверженцами, такими же *poetes maudit* 7, каковы мы в обществе буржуазном. ...»

Причем здесь идея архэ – не объяснит сам Брюсов, у Фалеса это вода, у Анаксимена – воздух, у Пифагора – число, у Анаксимандра – апейрон, у Гераклита – огонь, у Демокрита – атомы. Если речь идет о государстве, то и анархисты, и большевики устремлены на одно и то же: на слом государственной машины, на исчезновение государства.

Брюсов резонер, фраза Ленина легка и понятна: анархизм – та же буржуазность, та же перчатка, но с антибуржуазной «поверхностью перчатки». А уж как ее надевать, легко или тяжело – глубоко вторично. Впечатление, что Брюсов не русский. И Ленин не виноват, что Брюсов настолько неграмотен и не понимает сути анархизма. Брюсову стоило бы почитать книгу Маркса «Нищета философии». И не Ленин смешивает анархизм с буржуазностью, это делают сами анархисты – в своей практике. И не восстающие против идеи опасны для большевиков, а классы, монархия и буржуазия, у Брюсова мания величия.

Искатели абсолютной свободы... Весьма полезное занятие. Они ушли из истории. И из поэзии тоже.

Ноябрь 2020